

УДК 81'366.563

Самсонов Н.Б.*Московский государственный областной университет***ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ И УСЛОВНОСТЬ ЛИЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ**

Аннотация. Проксимальные личные значения ориентируются на точку отсчёта, которая непосредственно представляет говорящего в дискурсе от 1-ого лица или подразумевает, что говорящий занимает надтекстовую позицию в нарративе от 3-его лица; условность личных значений проявляется в прямой и несобственно-прямой речи третьеличного нарратива: языковые средства со значением 1-ого и 2-ого лиц соответствуют 3-ему лицу, а 3-е лицо может приобретать значения лиц, ещё более отдалённых от говорящего; 3-е лицо в нарративе, созданном от 3-его лица, – это особое проксимальное значение, которое воспринимается не через оппозицию к участникам речевого акта, как это происходит в других случаях, а как условная точка отсчёта в представлении всех персональных значений.

Ключевые слова: проксимальные личные значения, 3-е лицо, точка отсчёта, дискурс, нарратив, прямая речь, несобственно-прямая речь.

N. Samsonov*Moscow State Regional University***RELATIVE AND CONDITIONAL PERSONAL MEANING**

Abstract. Proximal personal meanings are guided by a reference point, which directly represents a speaker in the discourse from the first person or implies that the speaker takes over-text position in the narrative from the third person; conventionality of personal meanings is manifested in a direct and indirect speech narrative from the third person: language means with the meaning of the first and second persons correspond to the third person and the third person can obtain the meaning of persons, even more distant from the speaker; 3rd person in the narrative created by the third person - a special proximal meaning, which is not perceived by the opposition to the participants of the speech act, as it happens in other cases, but as a conditional point of reference in the representation of all personal meanings.

Keywords: proximal personal meanings, 3rd person, point of reference, discourse, narrative, direct speech, indirect speech.

Каждое личное значение по-разному представляет говорящего, и эти различия закреплены в номерах-названиях лиц. Непосредственно говорящий – это 1-ое лицо: *я, мы*. Ему противопоставлено значение 3-его лица, как *я* противопоставлено *не-я*. Я единично и уникально, а всё, что за пределами *я* – живое, неживое, реально существующее и вымышленное, – обобщено под универсальными *он, она, оно (они)*. В современной речи можно часто встретить употребление одного лица в значении другого. Чтобы подтвердить ранее высказанную мысль, отметим, что это 1-ое и 3-е лица, на их «парность» и одновременно «оппозиционность» указы-

© Самсонов Н.Б., 2014.

вают такие примеры: *Вот он – я! Стою пред Вами – просто!* (С. Юрочкин); *Мы наблюдаем всё это порой, Даже не думая, кто он такой? Ну а задумавшись, к мысли придём... Он – это Я, но в будущем – Он* (Л. Щелконогов).

Различие между *я* и *не-я*, т. е. 1-е и 3-е лицами, носит абсолютный характер, а противопоставление 3-его и 2-ого лиц происходит внутри класса *не-я*, они обусловлены ситуацией общения. Коммуникативный акт предполагает адресацию, нужен собеседник, поэтому говорящий выделяет кого-либо (что-либо) из группы *он, она, оно (они)*, и в результате *он, она* или *оно* превращаются в *ты* или *вы*. Таким образом, точкой отсчёта для 3-его и 2-ого лиц служит 1-ое лицо – автор высказывания, и в этом проявляется относительность значений 3-его и 2-ого лиц.

Участники и не-участники речевого акта в их отнесении к лицам очень часто противопоставляются условно: ведь чтобы это противопоставление было актуальным (абсолютным), должны быть участники, представленные соответствующими языковыми средствами. То есть чтобы в тексте было 3-е коммуникативное лицо, должно участвовать лицо 1-ое. Но так происходит только в речевом акте, представляющем собой дискурс. А если мы анализируем нарратив? Тогда весь текст – монолог, адресат речи отдалён во времени и в пространстве, причём автор-говорящий, сообщает нам, что он выбирает себе роль надтекстовую, неформализованную (нарратив, как правило, создаётся от 3-его лица) – значит, *я (мы)* и *ты (вы)* в таком тексте вообще не встретятся. Эти лица возможны только в прямой речи, если она присутствует.

Ситуация ввода прямой речи является особенной для личных значений, поскольку именно она показывает их условность и относительность, а у языковых средств со значением 3-его лица прямая речь актуализирует проксимальное значение [3].

Прямая речь – это уже «речь в речи», и здесь 1-ое и 2-ое лица условны, они приобретают значение 3-его лица, если за точку отсчёта принять автора-говорящего в коммуникативном акте создания нарратива. 1-ое лицо обозначает в прямой речи собственно 1-ое лицо только в том случае, если его выбирает себе автор, как, например, в дневнике Печорина (глава «Фаталист»): *– Утверждаю, что нет предопределения, – сказал я, высыпая на стол десятка два червонцев – всё, что было у меня в кармане* (М. Лермонтов). Примером относительности и условности значений языковых средств с личными значениями, употреблёнными в прямой речи, может послужить лермонтовское стихотворение «Романс», написанное от 1-ого лица:

*Невинный нежною душою,
Не зная в юности страстей прилив,
Ты можешь, друг, сказать с какой-то простотою:*

Я был счастлив!..

*Кто, слишком рано насладившись,
Живёт, в душе негодование скрыв,
Тот может, друг, ещё сказать, забывшись:*

Я был счастлив!..

*Но я в сей жизни скоротечной
Так испытал отчаянья порыв,
Что не могу сказать чистосердечно:
Я был счастлив!..*

Трижды употреблённое в прямой речи *я* только в последней строке соответствует *я* как точке отсчёта, ведь

первое *я* подразумевает *ты* (2-ое лицо), а второе – *тот, кто* (3-е лицо).

Повествование от 3-его лица вообще исключает употребление 1-ого и 2-ого лиц в их прямом, т. е. ситуативно не обусловленном прямой речью значении. Пример из стихотворения А.С. Пушкина «Ангел», написанного от 3-его лица: «*Прости, – он рек, – тебя я видел, И ты недаром мне сиял: Не всё я в небе ненавидел, Не всё я в мире презирал*». Здесь *я* указывает на демона, а *ты* – на ангела. И тот, и другой – третьего лица, поскольку точкой отсчёта является непредставленное 1-ое лицо автора-повествователя (автора не принято отождествлять с героем, даже если этого хотел бы автор: есть литературоведческие понятия «повествователь», «лирический герой», однако углубляться в обозначенную проблематику в этой статье, наверное, нецелесообразно).

Если в нарративе от 3-его лица прямая речь содержит языковые средства выражения 3-его лица, то они получают значение 4-ого лица (и далее) по отношению к автору-говорящему, т. е. слова автора уже представляют 3-е лицо: –*Хитрая, – сказал он, усмехаясь. – Ни словом не дала мне понять, что знаешь. Тебе жаловалась? Так. А ведь она тебя не любит* (М. Горький).

Несобственно-прямая речь, введённая в нарратив от 3-его лица, так же, как и прямая речь, способна представлять иную точку отсчёта и тем самым менять представление о соответствии личных значений:

Дети из усадьбы, сидя под часовой на корточках, зоркими глазами заглядывают в узкое и длинное окно на уровне земли. Там ничего не видно, оттуда только холодно дует. Везде светло и

жарко, а там темно и холодно: там, в железных ящиках, лежат какие-то дедушки и бабушки и ещё какой-то дядя, который сам себя застрелил. Всё это очень интересно и удивительно: у нас тут солнце, цветы, травы, мухи, шмели, бабочки, мы можем играть, бегать, нам жутко, но и весело сидеть на корточках, а они всегда лежат там в темноте... (И. Бунин)

В приведённом отрывке из рассказа «Часовня» нет других лиц, кроме 3-его, употребление же местоимений 1-ого лица, как и существительных *дедушки, бабушки, дядя* является лишь стилистическим приёмом, передающим детское восприятие.

Чужая речь, представленная другими способами, не изменяет соответствия личных значений. Так, например, употребление вне прямой речи коммуникативных частиц *мол, дескать, де* – показателей чужой речи – происходит, как правило, в текстах от 1-ого лица и не вводит иную точку отсчёта: *Вместо ответа Федя задорно подмигнул мне: ладно, дескать, сами не маленькие* (А. Гайдар). Трудно представить себе частицу *мол* или *дескать* в третьеличном нарративе вне прямой речи. А в прямой речи эти частицы ответственности лиц не изменяют: в следующем примере частицу *дескать* можно опустить, всё равно *я* будет иметь значение *он*: *Артамонову старшему было приятно знать, что плотник не любит Мирона, и он хохотал, когда Се-рафим, позванивая на струнах гусель, задорно пел: – Ходит дятел по заводу, Смотрит в светлые очки, Дескать, я тут – самый умный, Остальные – дурачки!* (М. Горький)

Не меняются лица и в косвенной речи, ср.: *Я сказал, что я дома. – Ты*

сказал, что я дома. – Он сказал, что я дома. Везде я соответствует 1-ому лицу автора-говорящего,

Представленные рассуждения приводят нас к следующим выводам:

1) проксимальные личные значения ориентируются на точку отсчёта, которая непосредственно представляет говорящего в дискурсе от 1-ого лица или подразумевает, что говорящий занимает надтекстовую позицию (в нарративе от 3-его лица);

2) условность личных значений проявляется в прямой и неособственно-прямой речи третьеличного нарратива: языковые средства со значением 1-ого и 2-ого лиц соответствуют 3-ему лицу, а 3-е лицо может приобретать значения лиц, ещё более отдалённых от говорящего;

3) 3-е лицо в нарративе, созданном от 3-его лица, – это особое проксимальное значение, которое воспринимается не через оппозицию к участникам речевого акта, как это происходит

в других случаях, а как условная точка отсчёта в представлении всех персональных значений.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Лекант П.А. К вопросу о категории тождества в русском языке // Очерки по грамматике русского языка. М., 2002. С. 61–67.
2. Лекант П.А. Рациональный и эмоциональный аспекты русского предложения. // Русский язык в школе. 2004. №4. С. 75–78.
3. Самсонов Н.Б. Проксимальное и тематическое значения третьего лица. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2014. № 3. С. 22–25.
4. Филимонова Е.Ю. К вопросу об иерархическом упорядочивании лиц. Выделенность 2-ого лица. Гипотеза языковой корреляции // Вопросы языкознания. 1977. № 4. С. 85.
5. Химик В.В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке. Л., 1990. 184 с.